

УДК 343.971+323.283

ФОРМИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ БАЗЫ ЭКСТРЕМИЗМА И ТЕРРОРИЗМА: ПРОБЛЕМЫ КУПИРОВАНИЯ И ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ

Буткевич С. А.

Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

В статье рассмотрены актуальные вопросы возможности купирования и противодействия формированию и расширению социальной базы экстремизма и терроризма в современных реалиях, в том числе с проекцией на Российскую Федерацию в целом и Крымский полуостров в частности. Дана подробная характеристика существующих и возможных причин и условий, которые способствуют генезису, популяризации и принятию экстремистской и террористической идеологии отдельными лицами и категориями населения. Подробно описаны проблемные вопросы в антитеррористической и контрэкстремистской деятельности правоохранительных органов в этой области, а также возможные пути их решения. Особое внимание обращено на реальные и потенциальные, внутренние и внешние вызовы экстремистского и террористического характера, представляющие риски для расширения социальной базы поддержки деструктивных течений, радикальных взглядов и противоправной деятельности.

Ключевые слова: антитеррористическая деятельность, информационно-психологическое воздействие, контрэкстремистская деятельность, предупреждение террористических угроз, противодействие экстремистским вызовам, социальная база экстремизма и терроризма.

В третьем тысячелетии вследствие стремительного развития информационно-телекоммуникационных технологий, системных кризисных явлений и борьбы за ресурсы на фоне усиления межблокового противостояния, интервенции и вмешательства во внутренние дела других государств, ультраполяризации экономических интересов, кардинальных и турбулентных изменений контуров мировой геополитики спираль жестокости, вражды и насилия в социуме ежегодно выходит на новый виток. При этом деятельное участие в эскалации глобальной и межгосударственной напряженности по экспоненте принимают страны коллективного запада, генерируя, провоцируя и форсируя структурные риски и системные вызовы для без исключения всех секторов и сфер жизнедеятельности общества, мирного сосуществования и плодотворного международного сотрудничества на основе сформированной партнерской парадигмы [1, с. 493]. Подходы к обеспечению глобальной и национальной архитектур антитеррористической и контрэкстремистской безопасности требуют пересмотра и модернизации в вопросах купирования и противодействия формированию, наращиванию и воспроизводству социальной базы экстремизма и терроризма. В ФЗ отсутствует понятие «социальная база терроризма (экстремизма)» и в прямой постановке вопроса не закреплены задачи уполномоченных субъектов в сфере противодействия ее формированию и расширению. Только Федеральным законом «О противодействии терроризму» на высшие исполнительные органы государственной власти субъектов РФ возложены обязанности по устранению причин и условий, способствующих формированию социальной базы терроризма, с учетом сложившейся криминогенной обстановки (п. 2 ч. 2 ст. 5¹). В модельном законе СНГ «О противодействии терроризму» предусмотрено, что в целях сокращения социальной базы поддержки терроризма должно быть организовано информационно-пропагандистское противодействие (п. д ч. 1 ст. 8).

Исследуя социальную базу экстремизма и терроризма, сразу обозначим, что речь пойдет не только об организаторах, прокси-силах, идеологах, спонсорах,

вербовщиках и адептах этой радикальной и деструктивной деятельности, но в большей степени о потенциальных последователях данной идеологии и возможных исполнителях преступлений экстремистского характера и террористической направленности. Прозелитизм – одно из приоритетных направлений деятельности экстремистских и террористических организаций, поскольку их ряды постоянно требуют пополнения, а активность должна расширяться на новые объекты, территории и членов социума. Организаторами, вербовщиками и психологами экстремистских и террористических организаций, иностранных специальных служб, международных и зарубежных некоммерческих организаций на перманентной основе уделяется внимание поиску и последующей работе с неофитами. Приоритет отдается лицам, принимающим псевдолиберальные и квазидемократические ценности, ложные смыслы, нетрадиционные или неприемлемые для России и общества ориентиры, которые в обозримом будущем готовы осуществлять их реэкспорт в нашу страну в вариативных формах и разнообразными методами.

Если относительно недавно виктимными категориями в этой сфере считались люди, испытывающие кризис идентичности и функциональности, моральные банкроты [2, с. 540], а (про)украинские специальные службы искали пособников для диверсионно-подрывной работы, исполнителей террористических актов и экстремистских акций среди (полу)маргиналов, люмпенов, религиозных и этнических групп, части бывших политических элит и интеллигенции, беженцев, мигрантов, лиц с психическими расстройствами либо злоупотребляющих наркотическими средствами, психотропными веществами и алкоголем, подростков из неполных или неблагополучных семей, то теперь акценты существенно сместились на категории «сомневающихся», «оппозиционеров», одобряющих и пассивно поддерживающих проукраинские настроения, несовершеннолетних и молодежь, лиц предпенсионного и пенсионного возраста, которые в силу онтогенетических особенностей еще или уже неспособны осуществлять критический анализ и оценку информации. Иллюстрациями противоправной активности последней категории, которая используется вслепую, воспринимает происходящее и поставленные задачи как игру, развлечение или специальное задание от органов безопасности и правопорядка, являются участие подростков в несанкционированных митингах, которые организовывались А. Навальным, и поджоги военкоматов и административных зданий лицами старшего поколения. Но ради объективности надо признать, что после совершения террористического акта в «Крокус Сити Холл» (22.03.2024), когда украинский центр информационно-психологических операций (далее – ЦИПСО) начал осуществлять в социальных сетях и мессенджерах массовые адресные рассылки с призывами к совершению терактов в торговых центрах, административных зданиях правоохранительных органов и военкоматов, на объектах транспортной и социальной инфраструктуры, российское общество продемонстрировало настоящую сплоченность и единение. Такие сообщения (совершение террористического акта за денежное вознаграждение) были ориентированы на детей и подростков, которые не в полной мере могут осознавать неотвратимость и строгость наказания, последствия геймифицированного террористического задания, повторения сценариев колумбайн и совершения скулшутинга [3, с. 96]. Единичные случаи подготовки таких действий предотвращены сотрудниками правоохранительных органов, массовые попытки отправить такие сообщения – оперативно пресечены, а ТГ-аккаунты виновных лиц навсегда заблокированы. Это свидетельствует о том, что анонимная и удаленная работа организаторов и идеологов террористической и экстремистской деятельности

через социальные сети и мессенджеры остается одним из эффективных способов управления по самой герметичной схеме. Благодаря этому инженеры терактов и экстремистских акций практически полностью обеспечивают их дистанционную подготовку и совершение. Вот почему крайне важно конструктивное и константное взаимодействие органов безопасности и правопорядка с бизнес-сообществом при превенции, пресечении и раскрытии данных преступлений.

Еще одним мегатриггером является этнорелигиозный фактор. Именно поэтому по такому сценарию был совершен один из самых масштабных и трагических террористических актов в России, операция иностранных специальных служб под двойным чужим флагом. Опуская подробности ее анонсирования, подготовки и непосредственного исполнения, подчеркнем, что сразу же после теракта с себя сняли ответственность украинские власти, главное управление разведки министерства обороны Украины (далее – ГУР) и служба безопасности Украины (далее – СБУ), а США незамедлительно делают заявление, что последние также не имеют к нему никакого отношения. После этого в сеть Интернет осуществляются массированные информационные вбросы о будто бы совершении теракта жителями республик Ингушетия, Чечня в целях разжигания межнациональной розни, а несколько позднее, до задержания непосредственных исполнителей, появляется фейковое заявление ИГИЛ (запрещена в РФ) о причастности к нему. Соответственно, ожидается, что это приведет к возбуждению ненависти к лицам, исповедующим ислам (хоть и радикальный в данном случае). Вместе этим в комментариях к новостям и сообщениям на различных интернет-площадках звучат антиправительственные лозунги и появляются «экспертные» мнения о причастности к теракту российских органов безопасности. Т.е., ожидаемыми результатами реализации детально разработанного и тщательно продуманного плана, хоть и реализованного после президентских выборов, а не до них, должны были стать разжигание оппозиционных настроений, стимулирование протестной активности и недоверия властям, инспирирование мигрантофобии, межнациональной и межрелигиозной вражды, создание вероятных линий раскола российского общества и государства на будущее и, в конечном счете, ослабление РФ как государства.

Безусловно, совершенный террористический акт вполне логично вписывается в проводимые неонацистским киевским режимом преступные акции, одной из ключевых целей которых являются дестабилизация общественно-политической обстановки, эскалация религиозной и национальной напряженности, нагнетание паники, провоцирование смуты, развитие ощущений неопределенности и беспомощности, устрашение мирного населения. Но за его подготовку, организацию и модерирование отвечали зарубежные специальные службы, которые пытались разыграть в своих интересах кавказскую и мусульманскую карты с использованием Украины (страны 404), дезавуировав любые контакты с последней, а связав исполнителей с международной террористической организацией.

Для большей податливости и вовлеченности в противоправную деятельность рассмотренных выше целевых аудиторий создаются и искусственно популяризируются лидеры общественных мнений, фарисеи (волки в овечьей шкуре), колл-центры, ботофермы, «авторитетные» ТГ-каналы и «независимые» блогеры, которые не дают потребителям создаваемого и продвигаемого для них контента выйти из зоны гипноза и манипулятивного воздействия, отфильтровать и осуществить критический анализ огромного массива интенсивно продуцируемой и неразумно потребляемой информации. Фундамент, опора и поддержка

программных, ситуационных и эмоциональных экстремистских и террористических проявлений в современных условиях – это часть социума с уже размытой или стирающейся идентичностью, наступившей, в том числе, вследствие отсутствия критического мышления и медиакультуры, пренебрежения информационной гигиеной, несоблюдения культуры безопасности, прежде всего в интернет-пространстве. Как следствие, у таких индивидуумов формируются чувства личной и коллективной безответственности перед обществом, настоящим и будущим, индуцируется поэтапная деградация личности, главным образом в ментальной сфере [4], дегуманизация и деидеологизация общественной жизни, изменение культурного кода, стирание исторической памяти, подразумевающие сомнения в традиционных для Российского государства и социума ориентиров, ценностей и смыслов с последующим отказом от них. Навязанными приоритетами, как правило, становятся переход к обществу потребления, пропаганде безнравственности и безграничной свободе (по сути – социальное паразитирование).

В первую очередь за этим стоят украинские ЦИПСО, центр противодействия дезинформации (ЦПД), СБУ, ГУР, функционирующие как внешние контуры работы западных специальных служб. При осуществлении своей деятельности они руководствуются концепцией неопределенности – «вроде мы, а может и не мы», то есть, не подтверждая свою причастность, но намекая на нее либо не отрицая ее. Это позволяет бенефициарам получить максимальные дивиденды и достичь наибольшего эффекта (террористический кураж) для целевых аудиторий при минимальных репутационных потерях и имиджевых для страны-террориста рисках. Одновременно с этим политтехнологами, западными кукловодами, сюзеренами и кураторами проекта «deep state» (глубинное государство) активно используются методики воздействия на разум общества, получившие название окно Овертона. Это окно дискурса условно можно разделить на 6 этапов: немисливо; радикально; приемлемо; разумно; популярно; права, морали или жизни. В рамках исследуемого вопроса в качестве примеров можно привести: прошлогоднее украинское контрнаступление («контрнаступ»); совместное создание странами ЕС и США коалиции доноров современного танкового оружия («танковая коалиция») и формирование «самолетной (авиационной) коалиции» для Украины; французская инициатива по отправке войск НАТО на Украину и др. За рубежом таким экстраординарным случаем стало отмечание дня видимости трансгендеров президентом США Джо Байденом в пасхальное воскресенье по григорианскому календарю (31 марта 2024 г.) вместе с «устричными» кроликами.

Прежде всего это становится возможным благодаря реализации экспансионистской стратегии, интервенции и тотальному контролю за поступками, высказываниями и публикациями отдельных лидеров общественного мнения, трендсеттеров, контентом интернет-площадок, новостных агрегаторов, мессенджеров и других электронных ресурсов информационного ландшафта, ориентированного на русскоязычных пользователей. На них, помимо попыток дискредитации лидера нации, федеральных и региональных органов государственной власти, ВС РФ, избирательного процесса, нивелирования значимости специальной военной операции (далее – СВО) и ее результатов (например, один из телеграмм-каналов называется «СВО- Свинка В Обмороке»), принижения роли нашей страны на международной арене и отрицания ее территориальной целостности, оскорбления главы государства и высших должностных лиц, ее государственных символов и граждан (написание прописными буквами названий и фамилий, «рашка», «эрефия», «болото», «рашисты» и др.) и

т. д., активно продвигаются идеи неонацизма, глорификации фашизма, оправдания агрессии Украины и коллективного запада по отношению к РФ и неизбежности победы над последней, идеология русофобии, поощрение доноительства на «оккупационную» власть, «захватчиков» и «коллаборантов». Кроме того, культивируются и стимулируются расчеловечивание, негативные чувства и отрицательные эмоции к трагическим событиям и чрезвычайным ситуациям на территории РФ (например, «огоньки», «лайки» и радостные эмодзи в пабликах и на ТГ-каналах после последствий «шторма века» в Крыму и на Кубани в ноябре 2023 г.; вечеринка «Огненная Махачкала» с фаер-шоу в киевском ночном клубе на следующий день после взрыва на АЗС в Республике Дагестан (14.08.2023 г.); стейк «Дарья Дугина», сет «Крокус Сити», коктейль «Аллея ангелов», копченые куриные крылья «Дом профсоюзов» в меню украинских заведений общественного питания; создание и продвижение в мессенджерах эмодзи и стикерпаков, восхваляющие нацизм, фашизм, обстрелы мирного населения в Белгородской области; размещение в центре г. Киева баннер-марок (фотозон) со взрывом на Крымском мосту, взорванным Кремлем, тираж марок со схожими изображениями и др.) с одновременной блокировкой всех, кто высказывается о проблемах ВСУ, мирном урегулировании и завершении украинско-российского конфликта, как российских пропагандистов и агентов Кремля, т.е. продвижение милитаристских нарративов.

Еще одним немаловажным психологическим трюком (эмоциональным крючком), используемым на Украине последние 7 лет, стали пожертвования или «донаты» (не путать с военным сбором – налогом, которым с 2014 г. облагаются все доходы физических лиц) в целом антивоенной аудитории. Благодаря таким добровольным взносам, даже разовым и в незначительных размерах, человек подсознательно переходит на сторону того, кому «задонатил», тем самым бессознательно поддерживая и оправдывая дальнейшие его действия и свой выбор. Поэтому в западных странах так часто используют добровольные взносы, пожертвования и спонсорскую помощь в предвыборных кампаниях. Акцентируем внимание на то, что на Украине они идут не на помощь беженцам, вынужденным переселенцам и пострадавшим, а именно на финансирование ВС и националистических формирований, чтобы даже людей, которые склоняются к прекращению боевых действий и восстановлению мира, перетянуть на сторону адептов войны. Вместе с тем СБУ и ГУР получают компромат на таких «благотворителей» на случай, если они окажутся или уже пребывают на территории РФ, их можно будет вербовать, склонить к сотрудничеству, угрожая обнародованием поступивших платежей (в нашем случае – финансированием терроризма).

Среди наиболее примечательных примеров, подтверждающих перманентные попытки расширить социальную базу экстремизма, терроризма и увеличить их материальные проявления в Республике Крым и Севастополе, можно привести: распространяемые заведомо ложные сообщения о минировании образовательных организаций, судов, вокзалов, административных зданий органов государственной власти и др.; поджоги релейных шкафов, военкоматов; повреждения газопроводов, железнодорожного полотна; порча избирательных бюллетеней, распространение листовок, буклетов с антироссийским содержанием; организация несанкционированных массовых мер (в настоящее время преимущественно ограничивающиеся возложением цветов к памятникам Т.Г. Шевченко), приуроченным к украинским государственным праздникам и памятным датам; осквернение памятников, мемориалов, муралов и символики, посвященных ВОВ,

Крымской весне, СВО и т. п. По нашему мнению, отдельного внимания заслуживают: передача украинским кураторам (администраторам, модераторам, специальным службам) в социальных сетях или мессенджерах информации о местоположении воинских частей и правоохранительных органов, стратегически важных объектов и критической инфраструктуры, дислокации и перемещениях военной техники, работе средств ПВО, разрушениях вследствие украинской агрессии, организуемые под лозунгом «наши глаза все видят», с приложением инструкций по незаметной фото-, видеосъемке и последующему удалению направленных данных, очистке памяти мобильных телефонов и других гаджетов; направление фото- и видеоматериалов о фронде своей (про)украинской, «оппозиционной» позицией, бравате «альтернативным» мнением о происходящих событиях или сложившихся обстоятельствах (например, подтверждение участия в акции «желтая лента», демонстрация клочков бумаги с цветами украинского флага или недостоверными надписями о территориальной принадлежности Крымского полуострова на фоне узнаваемых достопримечательностей и популярных природных объектов, содействие деанонимизации, идентификации участников СВО, волонтеров и других граждан с ярко выраженными пророссийскими взглядами, их родных, близких и объектов собственности); значительное преувеличение потерь сил и средств в ходе СВО, включая персонализированное глумление над ранеными и погибшими участниками боевых действий; изготовление и установка на автотранспортные средства государственных регистрационных знаков без Государственного флага РФ либо, наоборот, публичная демонстрация маникюра, отдельных элементов одежды, аксессуаров, предметов интерьера квартиры (например, занавесок) или элементов зданий, сооружений (к примеру, крыши) в цветах украинского флага, рамок под автомобильные номера с «деколонизированной топонимикой» («исторические» наименования крымских населенных пунктов на крымскотатарском языке) и т. д. Что становится трендом для отдельных жителей новых российских субъектов, в том числе прибывающих в Крым. Интересно отметить, что к такой противоправной деятельности привлекаются и несовершеннолетние, молодежь, часто не осознающие общественной опасности и не понимающие последствий своей радикальной и деструктивной деятельности, но для которых меркантильный интерес, фактор денег не всегда являются решающими для участия в протесте против «системы» [5, с. 458]. Приходится констатировать, что в абсолютном большинстве случаев такими девиантами и делинквентами движут юношеский максимализм и подростковый дух противоречия, дешевая и кратковременная популярность (хайп), агрессия и недовольство (хейт [6]). Имеются и просчеты в организации и контроле соответствующей деятельности органов публичной власти РК. Так, в апреле 2024 г. в социальных сетях появилась информация о том, что в селе Золотое поле Кировского района есть улица, названная в честь экс-лидера экстремистского «Меджлиса крымских татар» (запрещен в РФ) М. Джемилева [7]. Поисковые запросы выдают, что улица с таким же названием есть и в с. Танковое Бахчисарайского р-на. Правоохранительным органам, прежде всего МВД России и ФСБ России [8, с. 144], необходимо митигировать реальные и потенциальные риски в этой сфере, переформатировать ригидную стратегию, имеющиеся силы и средства в наиболее эффективную конфигурацию под вызовы нового этапа противостояния в театре действий гибридной и асимметричной борьбы на ментальном и когнитивном уровнях как магистральные направления последующей антитеррористической и контрэкстремистской деятельности. Таким образом, уже более 10 лет Россия соседствует с государством-террористом,

политическое руководство, специальные службы и националистические батальоны которого регулярно и системно осуществляют теракты по отношению к гражданам РФ и неподдерживающему эту агрессию собственному населению. Это подтверждают водная, продуктовая, транспортная и энергетическая блокады Крымского полуострова, подрыв Каховской ГЭС, обстрелы Запорожской АЭС, взрывы Крымского моста, циничные убийства журналистов и политиков, теракт в «Крокус Сити Холл», угрозы украинских лидеров по осуществлению тотального геноцида после «освобождения» региона и т. д. Сегодняшние украинские герои – фашисты, неонацисты, террористы, экстремисты и русофобы, прославляемые, чтимые и чествуемые на государственном уровне, открыто и напоказ. Поэтому в таком государстве социум и его члены от безысходности и безвыходности со временем начинают воссоздавать такие структуры, применять те же методики, культивировать эти практики у новых поколений, бессознательно воспринимая происходящее как должное и единственно правильное.

Остановимся на характеристике категорий лиц, также представляющий интерес для террористических и экстремистских организаций и благодаря которым может расширяться их соцбаза. 1 Население новых субъектов РФ, преимущественно Запорожской и Херсонской об., которое может использоваться украинскими специальными службами для совершения терактов, осуществления диверсионно-подрывной и разведывательной деятельности, шпионажа на территории России [9, с. 280]. Детерминанты указанной противоправной активности в основном идентичны с теми, которые фиксировались и исследовались в переходный период на Крымском полуострове, поэтому нет необходимости останавливаться на них детально. Но активность данной категории лиц и их количество будет только увеличиваться по мере успешного продвижения ВС РФ. 2) незаконные вооруженные формирования, террористические группы и экстремистские ячейки, формируемые и действующие под видом национально-освободительных движений, партизанских формирований, добровольческих (националистических) батальонов и ополчения с использованием тактики фальшивого флага. 3) индивидуумы и группы лиц, сформированные на национальной и (или) религиозной основе, включая миграционную компоненту. Украинские и зарубежные специальные службы еще до воссоединения Крыма с Россией (18.03.2014 г., точки бифуркации и невозврата) создавали и активно использовали на полуострове террористические группы и экстремистские ячейки, которые комплектовались с учетом этноконфессиональной принадлежности их участников, для сдерживания превалирующих и растущих пророссийских нарративов.

Несовершеннолетние и молодежь, саморадикализация которых возможна без непосредственного участия идеологов и вербовщиков радикальных течений и деструктивных сообществ, большей частью при самостоятельном просмотре соответствующих веб-страниц, интернет-серфинга и от зависимости от компьютерных игр. Так, учитывая реальность угроз, исходящих от видеоигр с деструктивными сюжетом и геймплеем, и масштабность последствий киберрадикации [10], даже Международным комитетом Красного Креста (далее – МККК) были разработаны рекомендации «игр по правилам» для так называемых шутеров от первого лица (FPS) – самых популярных в мире компьютерных игр. В первую очередь это связано с тем, что действия в играх максимально приближены к реальным условиям, их сюжеты могут имитировать существующие зоны боевых действий, действительные локации, конкретных лиц и, естественно, натурально

визуализируют причинение вреда жизни и здоровью другим персонажам. Обеспокоенность МККК связана с распространенностью, интенсивностью и разрушительностью современных вооруженных конфликтов и количеством лиц, которые от них пострадали или погибли. В частности, к рекомендациям относятся следующие: 1) не допускать неоправданной жестокости, беспричинной ненависти – когда соперник повержен (ранен, взят в плен) и не может сопротивляться, игрок не должен продолжать стрелять в него. Эта норма коррелирует с правилом войны: военнопленные должны быть защищены от насилия, запугивания и жестокого обращения; 2) не стрелять в мирных персонажей – боты или «мобы», которые непосредственно не участвуют в боевых действиях, считаются гражданскими лицами (мирное население, волонтеры, медицинский персонал, журналисты), и игрок не должен причинять им вред и даже целиться в них. Правило войны: гражданские лица не могут быть атакованы и должны быть защищены; 3) не разрушать гражданские сооружения – в любой игре жилые дома, школы и больницы считаются безопасными зонами, повреждение которых недопустимо; сражаясь в киберпространстве, игрок обязан сделать все возможное, чтобы избежать их уничтожения. Этот запрет распространяется и на источники воды, урожай, домашний скот, жилые постройки и прочее, что имеет ключевое значение для существования (выживания) лиц, не участвующих в конфликтах. Правило войны: гражданская инфраструктура относится к охраняемым объектам; 4) использовать медицинские наборы («апт») для всех персонажей – если у игрока есть неиспользованная аптечка, он должен отдать ее тем, кому она необходима – нейтральному персонажу, компаньону или антагонисту («фрагу»). Правило войны: о больных и раненых должны заботиться обе стороны конфликта [11].

Т.е., это призыв играть по правилам войны, то есть без излишнего насилия или неоправданной жестокости в виртуальных зонах боевых действий, что в конечном итоге в реальной жизни будет способствовать сохранению гуманизма, развитию чувств сострадания и эмпатии, а при участии игроков в вооруженных конфликтах в физическом мире – спасет жизни мирного населения, уменьшит страдания больных и раненых, исключит пытки и издевательства над противником, военнопленными и др. В продолжение затронутой тематики также стоит указать, что онлайн-сервисы компьютерных игр могут использоваться лицами, причастными к экстремистской или террористической деятельности, для своей противоправной активности (например, террористы в «Крокус Сити Холл» использовали для переговоров чат танкового шутера WoT Blitz). А проецирование виртуального, вымышленного в действующую реальность также наблюдается и в киноиндустрии, например, в американском боевике «Хантер Киллер» (2018 г., реж. Донован Марш), по сюжету которого российский министр обороны пытается совершить государственный переворот, а президента России Владимира спасает экипаж американской субмарины. По вполне понятным причинам данный фильм в РФ не получил прокатное удостоверение. Справедливости ради отметим, что боевик был запрещен к показу и на Украине, поскольку в нем демонстрируют мощь российской армии.

Обобщая вышеизложенное, возникают следующие вопросы: какие меры противодействия расширению социальной базы экстремизма, терроризма и механизму их воспроизводства можно предложить? Как система в лице граждан, общества и органов власти должна на это реагировать? Нужно ли ставить «огоньки», одобрительные лайки в социальных сетях и мессенджерах на сообщения о предотвращенном теракте, спасенном заложнике и задержанном террористе или, наоборот, гневные эмодзи и дизлайки на информацию о совершенном преступлении,

количестве убитых и пострадавших, бездействию правоохранителей, равнодушию спасателей и несвоевременном оказании медицинской помощи? Стоит ли устраивать виртуальные «разборки» с теми, кто не разделяет идеи Русского мира? Поможет ли привитию и эволюции чувств гражданской идентичности и патриотизма у детей и подростков еженедельное исполнение Государственного гимна РФ в образовательных организациях? Блокировать ли повсеместно запрещенный, опасный и вредный контент, в том числе выявленный при содействии общественников и так называемых кибердружин, члены которых в итоге сами могут радикализироваться? Но при этом не стоит упускать из виду, что у большинства таких сайтов, пабликов, ТГ-каналов есть резервные копии, зеркала, множественные репосты и перепосты, а размещаемый (восстанавливаемый) на них контент может вызвать еще больший интерес – запретный плод всегда сладок.

Вместе с тем практически после каждого громкого теракта, массового убийства, задержания участников экстремистских организаций и т. д., в том числе после разглашения тайны следствия и (или) нарушения норм журналистской этики в части, касающейся идентификации личностей преступников, в России и зарубежных странах появляются нормотворческие инициативы и обсуждения на медиаплатформах об ограничениях распространения информации с биографией лиц, причастных к преступлениям экстремистского характера и террористической направленности (включая данные о гражданстве, этнической и религиозной принадлежности), запретах размещений и распространения в социальных сетях, мессенджерах и других интернет-площадках соответствующих фото- и видеоматериалов, цитат и манифестов таких лиц. С одной стороны, 23 марта 2024 г., обращаясь к нации по случаю трагедии в «Крокус Сити Холл», Президент РФ В.В. Путин подчеркнул, что «террористов, убийц, нелюдей, у которых нет и не может быть национальности, ждет одна незавидная участь – возмездие и забвение», с другой, – все данные лиц, причастных к теракту, имеются в свободном доступе в сети Интернет. Эмоциональные реакции потребителей данного контента вполне очевидны. Среди недавних последствий таких настроений, в том числе подстрекаемых и разжигаемых извне, стали антисемитские беспорядки в аэропорту Махачкалы и акции в других городах Северного Кавказа, произошедшие на почве исламского антисемитизма в октябре 2023 г.

Террористические акты, скандалы и колумбайны могут повторяться в любой стране мира. Только на территории РК на оперативных учетах состоят более 7000 лиц, причастных к экстремистской деятельности, а за 2023 г. выявлено 63 преступления экстремистской направленности (+34,0 %; Южный федеральный округ: +4,0%; РФ: –18,7 %), возбуждено 64 уголовных дела (статьи 222.1 – 12, 208 – 7, 222 – 6, 148, 280, 354.1 – по 5, 205.3 – 4, 228, 280.3, 282.2 – 3, 214 – 2, 116, 119, 205.5, 207, 223, 282.4, 322.1, 327, 329 – по 1), составлено 274 протокола об административных правонарушениях (статьи 20.3.3 КоАП РФ – 139, 20.3 – 101, 20.1 – 22, 5.26 – 8, 20.29 – 4), выявлено 37 ресурсов в сети Интернет, на которых опубликованы запрещенные материалы. Но очевидно, что увеличение дискреционных полномочий правоохранителей, тотальный контроль в сфере миграции, религии, государственный и общественный мониторинг интернет-площадок, мессенджеров, традиционных и нетрадиционных медиа, усложнение процедур приобретения оружия, профессиональная вооруженная охрана образовательных организаций и торгово-развлекательных центров, усиление ответственности за преступления в этой сфере – не панацея.

Преступник, независимо от социального статуса, гражданства, национальности и вероисповедания, при желании всегда может найти орудия и средства совершения преступления – приобрести легально, на «черном» рынке или в даркнете, изготовить, переделать, взять кухонный нож, охотничье ружье или автотранспортное средство, на котором прибудет для совершения теракта в место массового пребывания граждан, вне зависимости от степени его антитеррористической защищенности и грозящей ему за это санкции. Поэтому вполне закономерен следующий вопрос: что делать с лицом, причастным к противоправным деяниям экстремистского характера и террористической направленности, – заставлять приносить его публичные (обычно формальные) извинения, раскаиваться на камеру телефона с последующей демонстрацией в сети Интернет и (или) телевидении или жестко задерживать, незамедлительно арестовывать и налагать на него самое строгое наказание? Конечно же, после каждого особо тяжкого преступления, получившего широкий общественный резонанс, появляются дискуссии по поводу возможности отмены моратория на смертную казнь. Однако есть и мнения, что пожизненное заключение – более суровая мера наказания по ряду причин. В качестве иллюстрации можно привести норвежца Андерса Брейвика, совершившего 22 июля 2011 г. теракты, в результате которых погибло 77 чел. и 151 получил ранения, и приговоренного к 21 г. тюремного заключения с возможностью неограниченного продления срока. И противоречивая информация к размышлению, вызывающая когнитивный диссонанс: 1) камера террориста де-факто представляет собой трехкомнатную комфортную квартиру с кабинетом и тренажерным залом, которая содержится за счет налогоплательщиков; 2) до настоящего он не признал свою вину, не раскаялся и не принес извинения пострадавшим и родственникам убитых, но с 2022 г. добивается условно-досрочного освобождения; 3) после этого в Норвегии не совершено ни одного террористического акта.

Список литературы:

1. Атик А.А., Чудина-Шмидт Н.В. «Цветные революции» как механизм экстремальной трансформации политической системы государства // Евразийский юридический журнал. 2022. № 6 (169). С. 493–495.
2. Коноплева А.А. Влияние политического фактора на развитие идентичности молодежи (на примере Республики Крым) // Евразийский юридический журнал. 2023. № 6 (181). С. 539–540.
3. Челпанова М.М., Поликарпов Д.И. Некоторые аспекты деятельности полиции в сфере защиты детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию // Евразийский юридический журнал. 2023. № 9 (184). С. 95–97.
4. Климова Д.В., Обринская Е.К. Обеспечение ментальной безопасности как предпосылка эффективно-го противодействия экстремизму и терроризму // Евразийский юридический журнал. 2018. № 10 (125). С. 390–391.
5. Зоз В.А., Телешенко К.С. Деятельность органов внутренних дел по противодействию молодежному экстремизму // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2023. Т. 9. № 3. С. 457–460.
6. Красиков В.И. «Хейтеры» в российском сегменте Интернета // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2021. № 59. С. 73–86.
7. «РАДИО КРЫМ». Вконтакте [Электронный ресурс] // URL: https://vk.com/wall-50388845_30369?ysclid=lul8hbyum43201844918 (дата обращения: 04.04.2024).
8. Иванов С.И. Особенности управления сыскными (оперативно-розыскными) операциями // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2021. № 3 (31). С. 142–145.
9. Царева Е.С., Родителева Я.Н. Культурная адаптация мигрантов как условие противодействия распространению экстремизма на территории Российской Федерации // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2021. Т. 7. № 3-1. С. 277–284.
10. Никитина Л.Н., Светличный Е.Г. Кибераддикция как фактор дезадаптации несовершеннолетних // Обеспечение ментальной безопасности молодежи в условиях реальных угроз и потенциальных вызовов: монография под ред. С.А. Буткевича. Симферополь: Полипринт, 2021. С. 91–98.
11. ICRC [Электронный ресурс] // URL: <https://playbytherules.icrc.org/> (дата обращения: 03.04.2024).

Butkevich S.A. Formation of the social base of extremism and terrorism: problems of suppression and counteraction // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science. – 2024. – Т. 10 (76). № 3. – P. 597–607.

The article examines in the topical issues of the possibility of stopping and countering the formation and expansion of the social base of extremism and terrorism in modern realities, including with projection on the

Russian Federation in general and the Crimean Peninsula in particular. A detailed description of the existing and possible causes and conditions that contribute to the genesis, popularization and acceptance of extremist and terrorist ideology by individuals and categories of the population is given. The problematic issues in the anti-terrorist and counter-extremist activities of law enforcement agencies in this area are described in details, as well as possible ways to solve them. Special attention is paid to real and potential, internal and external challenges of the extremist and terrorist nature, which pose risks for expanding the social base of support for destructive trends, radical views and approval of illegal activity.

Key words: anti-terrorist activity, informational and psychological impact, counter-extremist activity, prevention of terrorist threats, countering extremist challenges, social base of extremism and terrorism.

Spisok literatury:

1. Atik A.A., Chudina-Shmidt N.V. «Czvetny`e revolyucii» kak mexanizm e`kstrema`lnoj transformacii politicheskoy sistemy` gosudarstva // Evrazijskij yuridicheskij zhurnal. 2022. № 6 (169). S. 493–495.
2. Konopleva A.A. Vliyanie politicheskogo faktora na razvitie identichnosti molodezhi (na primere Respubliki Kry`m) // Evrazijskij yuridicheskij zhurnal. 2023. № 6 (181). S. 539–540.
3. Chelpanova M.M., Polikarpov D.I. Nekotory`e aspekty` deyatel`nosti policii v sfere zashhity` detej ot informacii, prichinyayushhej vred ix zdorov`yu i razvitiyu // Evrazijskij yuridicheskij zhurnal. 2023. № 9 (184). S. 95–97.
4. Klimova D.V., Obrinskaya E.K. Obespechenie mental`noj bezopasnosti kak predposy`lka e`ffektivnogo protivodejstviya e`kstremizmu i terrorizmu // Evrazijskij yuridicheskij zhurnal. 2018. № 10 (125). S. 390–391.
5. Zoz V.A., Teleshenko K.S. Deyatel`nost` organov vnutrennix del po protivodejstviyu molodezhnomu e`kstremizmu // Ucheny`e zapiski Kry`mskogo federal`nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki. 2023. T. 9. № 3. S. 457–460.
6. Krasikov V.I. «Xejtery`» v rossijskom segmente Interneta // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sociologiya. Politologiya. 2021. № 59. S. 73–86.
7. «RADIO KRY`M». Vkontakte [E`lektronny`j resurs] // URL: https://vk.com/wall-50388845_30369?ysclid=lul8hbym43201844918 (data obrashheniya: 04.04.2024).
8. Ivanov S.I. Osobennosti upravleniya sy`skny`mi (operativno-rozy`skny`mi) operaciyami // Vestnik Ural`skogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2021. № 3 (31). S. 142–145.
9. Czareva E.S., Roditeleva Ya.N. Kul`turnaya adaptaciya migrantov kak uslovie protivodejstviya rasprostraneniyu e`kstremizma na territorii Rossijskoj Federacii // Ucheny`e zapiski Kry`mskogo federal`nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki. 2021. T. 7. № 3-1. S. 277–284.
10. Nikitina L.N., Svetlichny`j E.G. Kiberaddikciya kak faktor dezadaptacii nesovershennoletnix // Obespechenie mental`noj bezopasnosti molodezhi v usloviyax real`ny`x ugroz i potencial`ny`x vy`zovov: monografiya pod red. S.A. Butkevicha. Simferopol` : Poliprint, 2021. S. 91–98.
11. ICRC [E`lektronny`j resurs] // URL: <https://playbytherules.icrc.org/> (data obrashheniya: 03.04.2024).